

Родился в Ленинграде, учился на историческом факультете Ленинградского государственного университета. С конца 1980-х публиковал стихи, прозу, эссе, переводы с английского и французского в «Митингом журнале», журналах «Звезда Востока», «Родник». Первая и единственная книга прозы «Прогулки» вышла в 1993 году. К середине 1990-х перестал писать стихи, сосредоточившись на прозе. Автор предисловий к книге Томаса де Квинси

«Исповедь англичанина, употребляющего опиум» (1994) и полному собранию прозы Ю. Юркуна «Дурная компания» (1995). В его переводе издана книга Х. Уолпола «Иероглифические сказки», произведения А. Мишо, Ф. Понжа, П. Боулза, Э. Родити, Л. Зуковски, Дж. де Кирико, М. Палмера и др. В 1994 году был редактором сборника «24 поэта и 2 комиссара», журнала «Поэзия и критика» (вышел один номер). Организовал и провёл литературный фестиваль «Открытие поэзии», объединивший деятелей неофициальной культуры. Лауреат премии Андрея Белого 1998 года в номинации «Проза».

ОКНО В ПОКИНУТОМ ДОМЕ

ПИСЬМА ПАМЯТИ О ХЭЙАН

I.

Время,
одетое в числа и дни,

мимо проходит и, кажется, застывает
когда в ночи пропадает небо, и гаснут огни,
и холмы исчезают в тумане,
и ты
переходишь из жизни в память,
в трепет листвы за окном,
в легкий пар на умытом лугу,
в плеск
на берегу далёком —
в память, которую я не могу
ни забыть, ни унять
в одиночестве жизни
когда
каждая тень говорит.

II.

В одиночестве дней
мысли равны
— и каждая знает место
своё, и как листья они опадают,
оставляя нагие ветви бессмысленных чувств.
Вот и голое дерево наших дней
встало под белым снегом
у порога зимы
среди опустевших полей.

III.

Подумай,
как мало прошло,
и как много времени будет ещё
впереди —
только дожить бы;
от веселой женитьбы до похорон
и от майского дерева

до засохшего клёна,
до головы Адама осенних времён.
О любви никто не сказал —
это только забытый сон,
стон холодного камня из вечного плена.

IV.

Дорога, которая нас разделяет —
тысячи гулких шагов, уходящих вдаль
в ропот стай перелётных,
в молчание первого снега,
в шёпот дней
в тесных стенах узилища
опустевшей Земли.
Всё меняется.

От сознания новой природы,
нового мира вокруг тебя —
последний куст лета отцветает легко —
все слова пропадают.

Что расстояние?

Даже годы,
которые отделяют тебя от меня — того
делают взгляд нестерпимым до боли
и узнавание всё трудней.

Так последняя капля свободы
пропадает в ожидании
дней, когда снегом покроются крыши,

V.

белые крыши домов среди опустевших полей.

ГРАММАТИК

Г. Мореву

Мне ли, лёгкой поступью эпигона
проходящему по развалинам, —
выйти в поле, вздохнуть полной грудью?
Лёгкой бабочкой бьётся в окно душа.
Мне, обменявшему «есть» на «могло быть»,
мир открыт, шумят золотые кроны.
Только ветра не слышно — стеклом окружённый,
я не чувствую воздуха, спёрто дыханье,
и железные клещи держат мой голос,
тонкий, невнятный голос.

СМЕРТЬ СОЛДАТА

Аркадию Драгомощенко

Death is absolute and without memorial...¹

W. Stevens

Он уходил.
Морозный воздух сковывал
плетением сухих ветвей ночное небо,
молчанием оцепеневшее.
Фонарь раскачивался на ветру,
втекаая маслом
в мутный холод
клокочущего под мостом потока.
Глаза слипались чёрной пропастью,
и слепли

¹ «Смерть абсолютна и без мемориала», Уоллес Стивенс (англ.).

от огненных зарниц тумана и от грохота
заполнившего всё.

Крик боли замер.

Он ещё бежал, и чувствовал
последний страх,

однако ласковое дуновение
прохлады останавливало боль,

и перед новым страхом

тот отступал.

«Я сплю», — шептал себе,

бесчувственный, без мыслей;

Кровь стыла в шелесте невидимой листвы

и ток её сливался с небом

перед распахнутым, себя забывшим взором.

Тень тёплая ложилась дланью ему на плечи,

и пустота ласкала,

и была успокоением измученному телу.

И если бы он смог увидеть, как луна

раскрылась оком в тающих

на палевом просторе облаках

и мелкий, волчий снег посыпался на землю,

запорошив

и отогрев иззябшую до камня глину

дыханьем голубиным —

он тогда проснулся бы

под восходящим светом,

в незнании своём превысив мудрость,

среди простора белого, сияющего чистотой

безмыслия и холода, который

однако, нечувствителен тебе,

забытому

под ласковым нездешним взглядом

разлитом в тающих полях вокруг тебя.

СОН ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

Памяти Геннадия Шмакова

I.

Воздух входит в тебя, как в распахнутое окно.
Сизая дымка, парящая в яблонях;

лай собаки
отзывается в деревенской глуши;

о,

благодатные летние дни,
отрада страниц часослова,
в мраке хрустального свода идущие чередом.
Белый цвет распускается в кущах зелени,

ЗОЛОТОМ

в чёрном окне загорается лампа...
Так смешно, по-наивному просто
гостем входить в свой забытый, оставленный,
полуобжитый дом,
напоминанием смерти недвижимой, Иосиф.

II.

Цепь Арахны,
влажная паутина дрожит
мелкими каплями небесного пота
между тобой и детством;
тонкая веточка ивы плотину чуть держит,
и соседство порхающей бабочки станет немилым,
даже мучительным утомленному далью оку.

Тропка, тропка, беги,

паутинка, тянись
дальше и дальше ввысь, сколько хватит
просторного неба
в неизмеримом, облачном крае Земли.

III.

Так ли ты далеко
отошёл от порога родного дома?
Крик филина затерялся в опустевших полях.
Шелест сухого леса,
эхо в мёртвых ветвях, мутная тина
ветром носимая по безжизненным водам.
Перед свободой, которую вновь обретаем
мы беспомощны.

Среди щебетания птиц
в тёмном лесу — солнечный вопль бессилён,
зверь,
гонимый сквозь тернии,
чувствует одиночество,
Тень чумы мышью вползает в жилище,
синей змейкой, как в чаше у Иоанна,
корневищем
совокупления голубых вен.

IV.

Голубое окно в покинутом доме
как зеркало в поле странствий
отлетевшей души.

Прозелень из дали
синих сумерек кажется близкой
и застилает горло, будто бы издали
край небесного свода раскололи осколки
дальнего грома, вернувшего корабли.
Маленький мальчик смотрит из-за решётки
на опустевшую комнату, будто это окно
в шаткий мир, будто я — исполнитель желаний
и таким же, как он, был когда-то давно.

Никогда не бывает
просто
ощутить себя частью, пылинкой
на коленях великого Вишну. Дождь ли пройдёт,
задевая песчинки и камешки, ветер промчится,
глаза наполняя
живительной влагой...

Смотри:
эти слова так уложены, камень к фаянсу,
золото к мрамору, что не разбить сочленений,
мыслей недвижимых.

Свиток не развернёшь
без томительной грусти. И как это просто
в стенах бесчувственных, в воображаемом мире
мыслями память крепить и словами
налаживать якорь
в дальнейшее плаванье. Ною осталось
только ковчег просмолить. Здесь каждой
твари найдётся
пара по нраву, довольно
доброй еды и питья. Молимся доброму Богу,
чтоб не оставил скитальцев в дороге
на разорение буйным ветрам.

Милый, добрый,
наш бородатый отец нас приемлет
как бы, куда ни ушли,
с чем
и когда ни вернулись...